

Кузнец и чёрт (3)

Жил-был кузнец, у него был сын лет шести, мальчик бойкой и разумной. Раз пошел старик в церковь, стал перед образом страшного суда, и видит: нарисован чёрт, да такой страшной — чёрной, с рогами и с хвостом. «Ишь какой!» подумал он, «дай-ка я себе намалюю такого в кузнице». Вот и нанял маляра, и велел ему нарисовать на дверях кузницы чёрта точь в точь такого, какого видел в церкви. Нарисовал маляр. С той поры старик, как войдет в кузницу, всегда взглянет на чёрта и скажет: «здорово, земляк!» А после разведет в горне огонь и примется за работу. Жил эдак кузнец в ладу с чёртом лет с десяток; потом заболел и помер. Стал сын его за хозяина, принялся за кузнечное дело; только не захотел он почитать чёрта, как почитал его старик. Придет ли поутру в кузницу — с ним никогда не поздоровается, а вместо ласкового слова возьмет самой что ни есть большой молот и огреет этим молотом черта прямо в лоб раза три, да потом и за работу. А как настанет у Бога праздник — сходит он в церковь, поставит святым по свечке; а к чёрту придет и плюнет в глаза. Прошли целые три года, а он всё угощает нечистого каждое утро то молотом, то плевками. Терпел, терпел чёрт, да и вышел из терпения; немоготу стало. «Полно, думает, принимать мне от него такое надругательство! дай ухитрюсь, да что-нибудь над ним сделаю».

Вот обернулся черт парнем и приходит в кузницу. «Здравствуй, дядя!» — Здорово. «А что, дядя, возьми меня к себе в ученье? буду тебе хоть уголя таскать да меха раздувать.» Кузнец тому и рад: «отчего не взять! вдвоем всё спорей...» Пошел чёрт в науку: пожил месяц и узнал кузнечное дело лучше самого хозяина: чего хозяин не сможет, то он сделает. Любо-дорого посмотреть! Кузнец уж так его полюбил, уж так им доволен, что и сказать нельзя. В другой раз сам не идет в кузницу — надеется на работника: он всем управит. Раз как-то не было хозяина дома, а в кузнице оставался один работник. Видит он — едет мимо старая барыня, высунул голову из дверей и давай кричать: «эй, господа! вы пожалуйста сюда; здесь новая работа открывается, старые в молодых переделываются». Барыня сейчас из коляски да в кузницу. «Чем ты это похваляешься? да вправду ли? да сумеешь ли?» спрашивает парня. — Не учиться нам стать! отвечает нечистой; коли б не умел, так и не вызывался бы. «А что стоит?» спрашивает барыня. — Да всего пятьсот рублей. «Ну вот тебе деньги,

сделай из меня молодую.» Нечистой взял деньги, посылает кучера на деревню: «ступай, говорит, притащи сюда два ушата молока»; а самое барыню схватил клещами за ноги, бросил в горн и сжег всю дочиста: только одни косточки и остались. Как принесли два ушата с молоком, он вылил их в кадушку, собрал все косточки и побросал в молоко. Глядь — минуты через три выходит из молока барыня: живая, да молодая, да красивая!

Села она в коляску и поехала домой; входит к барину, а тот уставил на нее глаза и не узнает своей жены. «Что глаза-то выпучил? говорит барыня. Видишь, я и молода, и статна; не хочу чтоб у меня муж был старой! Сейчас же поезжай в кузницу, пускай и тебя перекуют в молодого... а то и знать тебя не хочу!» Нечего делать, поехал барин.

А тем временем кузнец воротился домой и пошел в кузницу; смотрит — нету работника; искал-искал его, спрашивал-спрашивал — нет как нет, и след простыл. Принялся один за работу, только молотом постукивает. Приезжает барин и прямо в кузницу: «сделай, говорит, из меня молодого». — В уме ли ты, барин? как сделать из тебя молодого? «Ну, там как знаешь!» — Я ничего не знаю. «Врешь, мошенник! коли переделали мою старуху, переделывайте и меня; а то мне житья от неё не будет...» — Да я твоей барыни и в глаза-то не видал. «Всё равно твой работник видел. Если он сумел дело повершить, так ты, старой мастер, и подавну должен уметь. Ну, живей поворачивайся; не то быть худу: попробуешь у меня березовой бани.» Принужден был кузнец переделывать барина. Распросил потихоньку у кучера, как и что сделал работник его с барыней, и думает: куда не шло! стану тоже делать; попаду на лад — хорошо, не попаду — всё равно пропадать! Тотчас раздел барина до нага, схватил его клещами за ноги, сунул в горн и давай поддувать мехами; сжег всего в пепел. После того вынул кости, покидал в молоко, и ждет — скоро ли выскочит оттуда молодой барин. Ждет час, и другой — нет ничего; посмотрел в кадушку — одни косточки плавают, и те обгорелые... А барыня шлет послов в кузницу: скоро ли будет готов барин? Отвечает бедный кузнец, что барин приказал долго жить; поминайте, как звали! Как узнала барыня, что кузнец только сжег её мужа, а молодым не сделал, сильно разгневалась, созвала своих верных слуг и велела тащить кузнеца на виселицу. Сказано сделано. Побежали слуги в кузницу, схватили его, связали и потащили на виселицу. Вдруг нагоняет их тот самой малой, что у кузнеца жил в работниках, и спрашивает: «куда ведут тебя, хозяин?» — Хотят повесить, отвечал кузнец, и рассказал всё, что с ним случилось. «Ну, дядя! молвил нечистый, поклянись, что никогда не будешь бить меня своим молотом, а станешь ко мне такую же честь держать, какую

твой отец держал, — и барин сейчас будет и жив и молод.» Кузнец забожился, заклился, что никогда не подымет на черта молота, а будет отдавать ему всякую почесть. Тут работник побежал в кузницу и наскоро воротился оттуда вместе с барином: «стой, кричит слугам, не вешайте! вот ваш барин!» Они сейчас развязали веревки и отпустили кузнеца на все на четыре стороны; с тех пор перестал кузнец плевать на чёрта и бить его молотом, работник его скрылся и больше на глаза не показывался, а барин с барыней стали жить да поживать, да добра наживать, и теперь еще живут, коли не умерли.

(Из собрания В. И. Даля)